

Когда я вернусь...

Комс. правды, - 1997. - 20 ок. - с. 7

Слышала живого Александра Галича всего однажды. У Лена Карпинского. Так и звали: «на Галича».

Пришел высокий, черноглазый, усатый, какой-то весь гасконский. Тогда в гостях у Люси и Лена было много знаменитых «шестидесятников». Он самый знаменитый.

Он был запрещен (изгнан из Союза писателей СССР), и песенки запрещены. Но все его слушали по домам, звали, собирали деньги по кругу. Режим уже не сажал, а только стучал тяжелым кулаком по столу, озлясь, и все равно жизнь была испорчена.

На самом деле Галич испортил ее себе сам.

«Вас вызывает Таймыр» - когда-то не было популярнее фильма. Сценарист - Галич. «Верные друзья» - примерно та же картина. Сценарист он же. «На семи ветрах», сценарист Галич, - тоже вещь приятная во всех отношениях.

Что должно произойти с успешным, модным, вполне обеспеченным кинодраматургом, чтоб он послал все куда подальше, переломив состоявшуюся судьбу через колено? Что-то внутри. Что-то с душой. Что-то с обнаружением истинного порядка вещей. Какой-то край. Все проиграв, человек выиграл другую судьбу. Трагическую. Великую.

Он перестал сочинять лживые светлые комедии и запел о своем народе и о своей стране чистую правду. Но как! Все, что знал и умел как драматург, как поэт, как человек, закодировал в ядреном русском речитативе, внешне полублатном, по сути - родном-народном.

Облака плывут, облака, не спеша плывут, как в кино. А я цыпленка ем табака, я коньячку принял полкило.

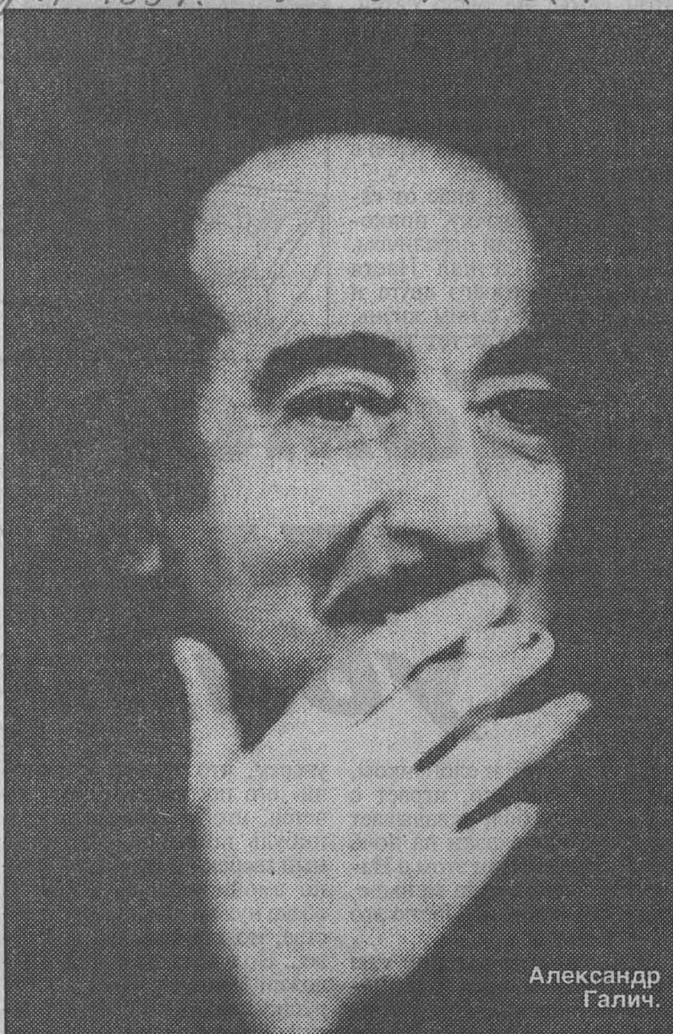
И рубают финики лопари, а в Сахаре снегу неупроторот, это гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот.

Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой.

А жена моя товарищ Парамонова в это время находилась за границей.

У полнорода, по крайней мере знакомого и помнящего, сердчишко сожмет при этом напоминании, и кто-то, может, даже потянется за валидоллом. Все до чертиков знакомо, все в зубах, на губах, в ушах, и сдается, что свое, фольклорное. А Галич - автор.

Он пел нам это, и мы смеялись до слез, смахивая эти самые слезы, проступавшие от чувства узнавания и чув-

Александр Галич.

ства свободы.

Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь?..

На площадь (Красную) вышли другие. Мы не посмели. Но в этот миг исполнения зачуханные, слабые, боязливые, с затупленными своими мозгами, все, все мы делались свободны, смелы и дерзки рядом с ним, он давал нам звук - мы откликнулись в резонанс, и душа наша сбрасывала рабские цепи. Он знал, что делает нас счастливыми, и это делало счастливым его.

Разве могла наша (эта) страна вытерпеть, чтобы кто-то был так опасно счастлив вне официальной справки-разрешения на счастье?

Его заставили уехать. Уезжали, как умирали. Обрывали все связи. Изгнанному никогда не было дороги обратно.

Когда я вернусь...

Ты не смейся, когда я вернусь...

Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,

По еле заметному следу - к теплу и ночлегу -

И вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь...

От этих строк, таких нереальных, таких невозможных, как будто бы - по Пастернаку - железом вели нарезом по сердцу моему.

Он умер в Париже ровно 20 лет назад. Воткнул что-то там в розетку - замкнуло - электрический ток его убил. Или - или он сам себя убил этим током?

Потом еще чего-то замкнуло или загорелось - в пожаре погибла красавица Ангелина, жена. Или - или сама себя подожгла?

Вернуться - было поэтической метафорой.

Вернуться - было невымыслимо.

Идут мимо нас поколения, проходят и машут рукой. Презренье, презренье, презренье дано нам, как новое зренье и пропуск в грядущий покой!

Можно ли было жить со столь беспощадным сознанием и прозреньем?

А мы - как живем?

«Доброй ночи, Бах», - говорит Бог,

«Доброй ночи, Бог», - говорит Бах.

Кто это ведал, тому не страшно.

Галич ведал.

Ольга КУЧКИНА.